

24 ИЮН 1953

СОВЕТСКОЕ

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Движение характера

Недавно молодой артист Ленинградского Нового театра Владимир Петров сыграл роль чиновника Бобырева в драматической сатири М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени». Первое появление Бобырева — Петрова — появление веселого, здорового, жизнерадостного человека. Он приехал в столицу из захолустного города, приехал, чтобы получить место. Полный радужных надежд, входит он в приемную своего бывшего однокашника генерала Клаверова и сразу же попадает в страшную бюрократическую машину, становится свидетелем обнаженной пошлости и оголтелого цинизма. Бобырев понимает, что лучше бы уйти ему из этой приемной с официальными зелеными панелями. Понимает, но не уходит. Это первый компромисс из серии компромиссов, которые превращают Бобырева в тень...

Характер Клаверова и других героев пьесы Салтыкова-Щедрина уже сформировался к началу действия; характер Бобырева формируется на наших глазах. Из прекраснодушного либерала и идеалиста он становится пошлым дельцом, «тенью» Клаверова.

Интересны детали, удачно найденные исполнителем совместно с режиссером. Кресло, которое как бы предлагаются Бобыреву, занимает Набойкин. Бобырев возмущен, но молчит и только ниже сгибает спину. Очень хочется закурить, но его превосходительству может не понравиться этакое вольнодумство, и Бобырев не закуривает. Ему, очевидно, очень неприятен разговор с Клаверовым о жене, но он, Бобырев, уже многое понял и любезно поддерживает эту тему, даже находя в ней некоторую приятность.

Центральную сцену третьего акта Петров играет как саморазоблачение Бобырева. Зная свой малодушный характер, он с жадностью бросается на вино — только бы поскорее напиться.

Внимательно слушает Бобырев — Петров неинтересный и ненужный ему рассказ Свистикова об охоте. Он не улавливает общий смысл рассказа, а слышит лишь отдельные слова. Тупо глядя на клавиатуру рояля, он одним, плохо слушающимся пальцем выколачивает несложную мелодию песенки и поет:

Мы покорно шею гнули
И не пытались возражать.
Только вы один дерзнули
Протестовать, протестовать.

И вдруг совершенно пьяным, каким-то тусклым голосом заканчивает песню легкомысленным рефреном: тирлим-пом-пом, тирлим-пом-пом, начисто снимающим всякую мысль о возможности какого-либо протеста. Здесь В. Петров поднимается до высот подлинной сатиры.

Так играет Владимир Петров роль Бобырева, играет темпераментно и умно, пощедрински сгущая краски, пощедрински разоблачая сущность бобыревского либерализма.

Бобырев — один из последних образов, созданных В. Петровым на сцене. За пять лет работы ему удалось сыграть много самых различных ролей. Среди них были большие и маленькие, интересные и неинтересные, были удачи, были и поражения. Шадрин («Человек с ружьем»), Бобырев, Дон Карлос в трагедии Шиллера, Родион («Вторая любовь») — вот наиболее интересные работы артиста. Характерно, что достигает он успеха лишь в том случае, когда находит путь развития образа, его перспективу.

Большое место в репертуаре В. Петрова занимают образы положительные.

В театре, а еще чаще в кино, бывает так: появился на сцене или экране актер, улыбнулся, произнес несколько слов, и все сидящие в зрительном зале поняли, что человек с такой открытой, обаятельной улыбкой, с такими умными, светящимися юмором глазами не может быть плохим. В этой симпатии и вере, возникающей у зрителей моментально, кроется сила актерского обаяния. И хорошо, когда артист, сразу так

расположивший нас к себе, создает образ, в котором обаяние — лишь одна из многочисленных черт характера. Но как часто это обаяние так и остается его единственной характеристикой...

К положительным героям, создаваемым В. Петровым, любовь возникает не с первого взгляда, она приходит лишь в результате нашего общения с ними, в процессе постижения их внутреннего мира, и любовь эта всегда продолжительна.

Именно такой была наша встреча с героями пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем». Молодой обросший бородой солдат русской армии Иван Шадрин не сразу вызвал симпатию зрительного зала. Кто этот человек? Куда он пойдет? Найдет ли верную дорогу?

Гнетущее, подавленное настроение у солдат, сидящих в бревенчатом окопе. У полуграммового крестьянина Ивана Шадрина, одетого в солдатскую шинель, только одно желание — ломай. В первой сцене спектакля В. Петров передает охватившую Шадрина безмерную тоску по миру, по земле. Эх, только бы вырваться из этого ада и добраться до дома! Только бы вырваться... И не может себе найти места в обжитом блиндаже солдат Шадрин, тоскуют по труду его большие рабочие руки.

Но вот Шадрин попадает в Питер. Здесь многолетняя мечта о доме и коровенке встречает сопротивление в нем же самом. Сложная борьба происходит в Шадрине — Петрове. С криком истосковавшегося по ласке человека сжимает он в объятиях жену. Кажется, ничто не может их разлучить. Но вот входит Чубов и зовет его в Смольный. И Шадрин снова берет в руки винтовку, берет нехотя и идет. Идет оглядываясь, идет лишь на часок, идет пока только посмотреть.

К сцене встречи Шадрина с В. И. Лениным, в которой происходит окончательное становление взглядов «человека с ружьем», Петров приходит внутренне подготовленным. Его Шадрин готовится к этой встрече, читая «Солдатскую Правду» в окопе, реквизирия барский особняк и, наконец, знакомясь с ленинским декретом о земле. Внимательно читает он каждое ленинское слово. Бережно, как будто что-то живое, разглаживает он листовку с декретом, а затем прячет ее, все время проверяя, не выпала ли она, не потерялась ли. В разговоре с Лениным Шадрин раскрывает все колоссальное благородство души русского солдата. Именно здесь он начинает думать не только о себе, а обо всем народе.

Вопреки сложившейся традиции — играть «человека с ружьем» как пожилого крестьянина, умного, внешне простоватого, с лукавством, юмором и хитринкой, — Петров сделал Шадрина молодым. Он предложил свой образ — образ молодого солдата, борющегося не только за счастье своих детей, но и за свою будущую жизнь, за свое счастье. Петров играл не просто крестьянина, а солдата революции, солдата первой в мире армии мира. Отсюда внешняя монументальность Шадрина — Петрова, его осанка русского богатыря. Исполнителю удалось передать мудрость народа, такие качества русского человека, как ум, талант, любознательность. Создавая образ «человека с ружьем», артист подчеркнул в нем желание мира, которое так долго и близко советскому человеку. И что особенно существенно, В. Петров показал Шадрина в беспрерывном движении и росте его мировоззрения.

Сейчас Владимир Петров фактически прощается со своей актерской молодостью. О нем уже пора перестать говорить как о молодом актере. Начинается новый, большой и самый ответственный для актера и человека период — период зрелости. Мы не сомневаемся в будущих радостных встречах с его героями. И пусть высокая требовательность В. Петрова к себе явится залогом радости этих встреч.

Н. СЕРГЕЕВА.

ЛЕНИНГРАД.